

КРО КОДИЛ

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Февраль 1933 г.

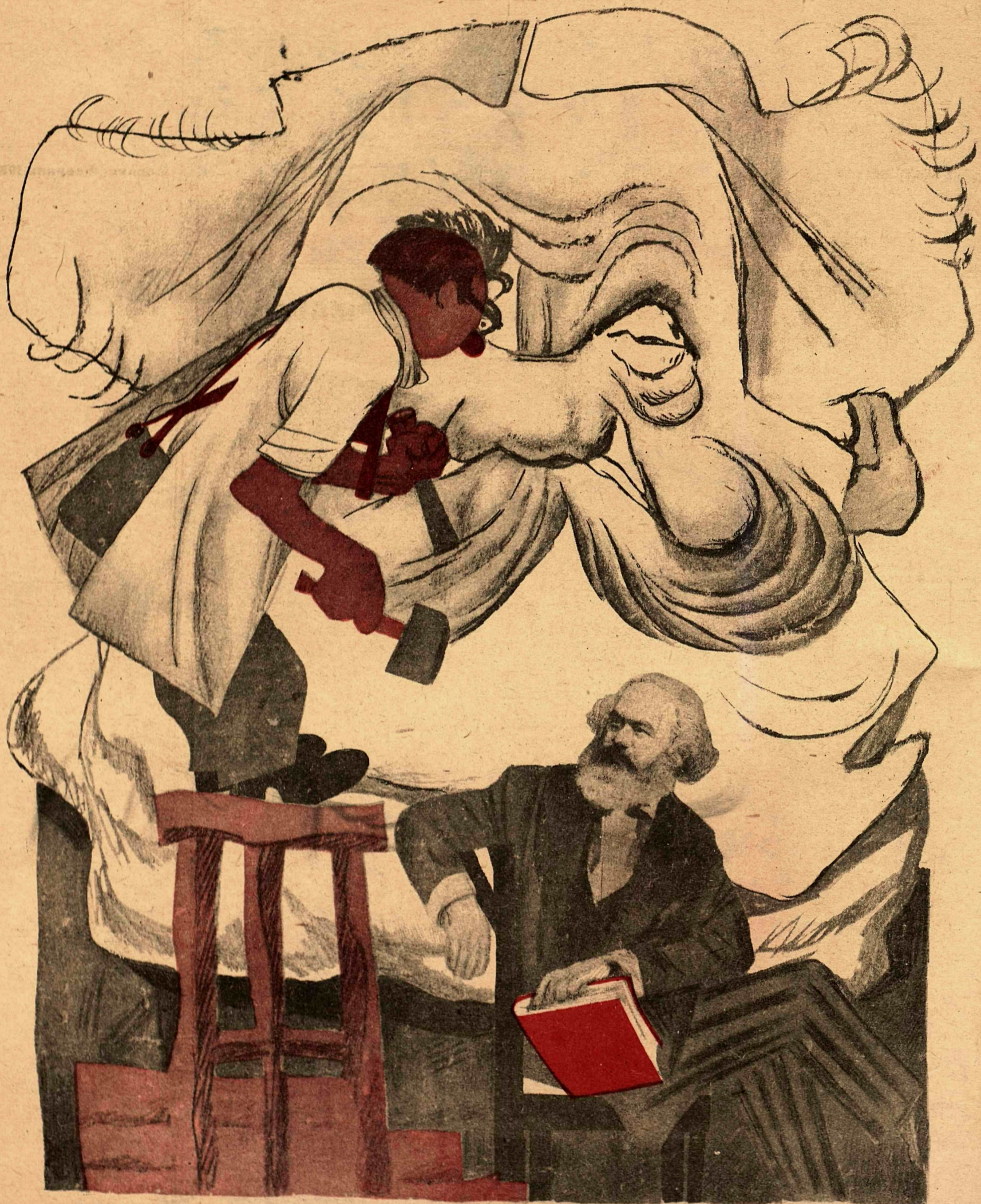
ЗА НАДЕЖНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ

(Л. Гонч)

— Смотрите же, не забудьте узнать там в центре, как у нас тут обстоит со сбором семян!..

ЦЕНА 60 КОП.

(М. Черных)

МАРКС (скульптору): — Ну, знаете ли, вы исказили меня в скульптуре не меньше, чем Каутский в политике.

КАК ЦАРСКАЯ ОХРАНКА ИСКАЛА МАРКСА

(Иллюстрации М. Храпковского)

Беликий наш сатирик Салтыков-Щедрин выводит в „Благонамеренных речах“ некоего сановника князя Ивана Семеныча, яркого приверженца „бараньего рога“. Этот сановник, услышав как-то в разговоре имя Франклина¹, немедленно распорядился Франклина разыскать как „эмиссара“, „человека, потрясшего Западную Европу“, и явного „злодея“.

Из этого распоряжения, ясно, ничего, кроме конфуза, не получилось.

Едкие намеки щедринской сатиры били в самую точку.

Современная Щедрину эпоха, как показывают приводимые ниже документы, по своей анекдотичности далеко оставляет самую смелую сатирическую фантазию. В самом деле: только одержимые бредовыми идеями люди могли со сколько-нибудь серьезными надеждами на успех рассылать приказы об аресте в тогдашней России не менее, как самого... Карла Маркса.

Напуганному Парижской коммуной 1871 года царскому правительству всюду мерещились призраки Интернационала. Немудрено, что этот страх подействовал и на тогдашнего шефа жандармов графа П. А. Шувалова, по приказанию которого 10 августа 1871 года было разослано начальникам жандармских управлений южных и западных губерний империи секретное предписание следующего содержания:

„Председатель Германского отдела Интернационального общества и один из деятельнейших членов оного литератор Карл Маркс с английским паспортом под именем Валласа намерен пробраться в Россию с злонамеренною целию.

Покорнейше прошу В. Благородие строжайше наблюдать за появлением Маркса-Валласа в ваших пределах и в случае задержания его телеграфировать в 3-е отделение Соб. Е. И. В. Канцелярии и ожидать распоряжений оного“.

Встреча Марксу, как видно, была соответственным образом подготовлена. Однако Маркс не показывался „в наших пределах“ достаточно долго. Только 18 мая 1872 г. начальнику одесского жандармского управления Кноппу посчастливилось, наконец, схватить некоего Маркса, устроившего по поводу своего ареста скандал и оказавшегося при ближайшем рассмотрении благонамереннейшим английским коммерсантом.

Вот как описывал это скандальное происшествие сам подполковник Кнопп в донесении тов. шефа жандармов Левашеву:

„На пароходе из Константинополя 18 сего мая прибыл Юлий-Александр-Мария Маркс, уроженец города Лейпцига, принявший английское подданство в 1865 году и проживающий, по его словам, в городе Ноттингаме, где отец его имеет торговый дом. Паспорт его выдан лордом Гренвилем и визирован нашим консулом в Лондоне 1-13 апреля сего года.

Имея в виду депешу Вашего Сиятельства от 24 июня прошлого года, в которой предписано мне некоего Маркса, имеющего прибыть из Константинополя, арестовать, — я, для точного исполнения Вашего приказа, но не имея примет и даже имени Маркса и допуская возможность недоразумения, тем более потому, что при обыске ничего предосудительного найдено не было, не подверг его формальному аресту, а предложил ему, чрез посредство градоначальника, который по этому предмету имел предписание местного генерал-губернатора, или оставаться на пароходе до разъяснения возникшего относительно его фамилии недоразумения, или же сойти на берег и остановиться в любой, по его выбору, гостинице, но с обязательством не выходить из своего номера до разрешения. При этом ему была предоставлена возможность принимать у себя тех лиц, с которыми он объявил, что имеет торговые сношения. Паспорт его оставался у градоначальника, а к номеру Маркса был приставлен полицейский.

По получении сего числа телеграммы Вашего Сиятельства Маркс был тотчас же освобожден от дальнейшего гласного надзора. На сделанное ему затруднение он жаловался письмом своему Консулу, который, однако, не обратил особого на эту жалобу внимания и по полученному словесному объяснению одобрил распоряжение местной администрации.

Доноса об этом Вашему Сиятельству, имею честь почтительнейше просить, если имеются приметы или более точные сведения для определения личности того Маркса, который по прибытии в Россию должен быть арестован, сообщить таковые мне во избежание могущих возникнуть новых недоразумений“.

На этом донесении сконфуженного жандарма наложена следующая резолюция: „Нужно будет сообщить приметы настоящего Маркса“. В осуществление этого решения в 3-м отделении разыскали фотографию Маркса, размножили ее и экземпляр отослали Кноппу. Мероприятие это было весьма не лишним, ибо, если бы, например, начальнику венской полиции, носившему фамилию Маркс, вздумалось приехать в Россию, какой-нибудь исполнительный Кнопп наверняка бы схватил и его.

Одного „недоразумения“ русской полиции показалось мало, и отмены приказа об „имеющем прибыть“ Марксе не последовало. Более того, 3-е отделение приняло всерьез смехотворные донесения заграничной агентуры, сообщавшей о намерении руководителей Интернационала развить пропаганду среди русских раскольников. На предмет удушения этой пропаганды на корню, жандармским полковникам

губерний со значительным процентом раскольников населения был разослан в начале 1872 года специальный циркуляр. Это сокрушило даже провинциальную жандармерию.

Так, не лишенный, повидимому, ума начальник Нижегородского жанд. губ. управления отвечал на этот циркуляр следующим ироническим донесением от 18 января 1872 года:

„Согласно предписания от 14 января № 111, мною тотчас же будут приняты все меры для наблюдения за идеями, которые предполагается проводить между раскольниками, но я смею заверить Ваше Превосходительство, что намерения Общества Интернациональ останутся без всяких сколько-нибудь успешных последствий. Раскольники вообще народ трудолюбивый и настолько обеспеченный материальными средствами, что я никогда не встречал ни одного раскольника, просящего милостыню. Даже те крестьяне, которые вследствие бедности и недостатка легко совращаются в раскол помощью соблазнов и подкупов, и те в самое короткое время делаются такими собственниками, что учения социально-коммунистические всегда будут им чужды и никогда не привьются там, где благосостояние основано на труде и строгой уверенности.

Проматавшееся и ленивое дворянство, ничему неучившееся и полуграмотное, бедное чиновничество, люди духовного происхождения, студенты разных заведений, бедные, слегка подученные мещане и, наконец, наши меньшие братья, распущенные и пропившиеся, — вот та почва, на которой социально-коммунистические учения могут дать хорошие плоды, и вот тот элемент, который в этом случае достоин внимания правительства глаза“.

Летом 1873 года „Маркс“ был арестован во второй раз в местечке Скуляны жандармским капитаном Сазоновым. 18 июня этого года 3-е отделение получило шифрованную депешу Сазонова, дешифрант которой гласил: „Прибыл Скуляны из-за границы Даниель-Мекензи Валлас английским паспортом 27 июля 1861 года № 45983 ученою целью, говорит по-русски проехал за границу паспорт Министерства Внутренних дел 19 мая сего года № 27889/1171 ожидаю распоряжения“. В этом ожидании для верности Сазонов все-таки заарестовал Валласа. Последний, как оказалось, уже бывал в России ранее и в действительности, разумеется, ни малейшего отношения к Интернационалу не имел, а занимался коммерцией и путешествиями. Собрав эти сведения и выяснив внешние приметы Валласа, 3-е отделение в тот же день, 18 июня, телеграфировало: „Капитану Сазонову. Упоминаемый вами англичанин Валлас не есть тот, о котором вам предписано 1871 г., не задерживайте его. Управляющий 3-м отделением Шульц“.

Мнимый Маркс, разумеется, был освобожден. Но на этот раз дело не обошлось без дипломатического вмешательства.

Взбешенный происшествием Валлас обратился к великобританскому послу в России лорду Лофтусу с письмом, излагающим обстоятельства дела и заканчивающимся, между прочим, следующим характерным замечанием: „Это первый раз, — писал Валлас, — в продолжение 12-летних путешествий, что я встретил такое неуважение к великобританскому паспорту“. Задетый за живое, английский посол дал понять русскому правительству, что британцы не привыкли к „истинно-русским“ манерам обращения.

Кажется, именно после этого случая Маркса в России уже не искали.

(По журн. „Борьба классов“ № 2-3 1932 г.)

¹ Франклин В. (1706-1790) — известный физик и политический деятель, борец за независимость САСШ.

ГЛАВКОМЫ ДВУХ АРМИЙ

(Б. Клиич)

НА СТРАЖЕ НЕЗАВИСИМОСТИ СССР

МОТЫЛЬКИ

Чтоб не пришла мне критика грех, —
Грех обобщений широких, —
Оговорюсь: я пишу не про всех,
Но, вероятно, про многих.

Я знаю не мало разных людей
И близких и дальних знакомых, —
Которые в мире марксистских идей
Живут на манер насекомых.

Здесь — вырвут цитатку в три слова,
Там — вызубрят восемь строчек, —
И весь их багажник, как пыльца:
Случаен, летуч и непрочен.

От подлинных знаний они далеки,
Как от экватора — полюс,
Но гордо порхают, как мотыльки,
Чванясь и хорохорясь.

В спокойном месте, в тихие дни,
Когда их ничто не тревожит,
Своим багажом довольны они
И даже гордятся, быть может.

Но чуть ветерок, — и груды цитат
Слетает пылью мотыльковой,
И люди вслепую бредут наугад
Нелепо и бестолково.

Марксизм — не светит им, как маяк,
И, потерявши берег,
Они растерянные стоят,
Не видя открытых Америк.

И, силясь найти в решительный миг
Чутье и тактику класса, —
Не видят на полке среди прочих книг
Забытого Карла Маркса.

А увидеть бы — давно пора!
Недаром на полке встали
Рядом с твореньем его пера
Энгельс, Ленин и Сталин.

В стране, где исчезли банкиры и знать,
Где капитала не стало, —
Стыдно великого Карла не знать,
Стыдно не знать „Капитала“.

Марксизм — не догма. Забыть о нем —
Значит работать вслепую.
Он дышит нашим, сегодняшним днем,
Вскрывая задачу любую.

Вглядись — и увидишь столбцы газет
Словно в тончайшей призме,
Пунктиром успехов и побед
Отражены в марксизме.

Марксизм — это спайка науки с трудом,
Фундамент новой культуры.
Трудно построить хороший дом,
Не зная архитектуры.

И если Маркс у тебя в шкафу
Стоит едва перелистан, —
Какая насмешка, какой конфуз
Себя называть марксистом!

В будущих пьесах сверкнет не раз,
Как комедийная маска,
Тип, покуда не редкий у нас:
„Марксист“ — не знающий Маркса.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

Б. САМСОНОВ

ДОБРОВОЛЕЦ

В

МТС

У Дмитрия Павловича натура была чувствительная и возвышенная.

Статьи и речи о работе в деревне он прочитал с волнением.

— Нужно ехать! Какое великолепное поле для живой, увлекательной работы! Фронт! Романтика!

Стены, оклеенные хризантемами, раздвинулись, и Дмитрий Павлович уже видел себя в степи на коне. В коже, в высоких сапогах Дмитрий Павлович оглядывает в цейс колхозные поля, проверяет кипучую работу комбайнов и жаток, ведущих весеннюю кампанию раннего сева и взмета пара, который поднимается к небу клубами. По пути Дмитрий Павлович наводит бинокль на кусты и блиндажи, в которых засел классовый враг. „В атаку!“ — отдает он решительный приказ ординарцу.

— Нет, надо ехать! А то закиснешь по заседаниям. Завтра же пойду за назначением.

И вот видит себя Дмитрий Павлович в отделе кадров. И главное, до мобилизации, до призыва. „В какой район вы хотели бы ехать?“ Дмитрий Павлович снисходительно поднимает плечи и говорит с оттенком укоризны: „Как в какой? Я поеду туда, куда вы считаете необходимым. Туда, где больше всего нуждаются в самоотверженных и вдохновенных работников“. Ему дают направление в районы мандаринов и розового масла. „Я готов“, — безропотно отвечает Дмитрий Павлович, делает поворот налево кругом и выходит из отдела кадров, как Наполеон из палатки перед боем. „Какая потрясающая скромность! — удивляются в отделе.

— Решено — еду! Друзья и сослуживцы, конечно, не поймут. Болтун Ромбинштейн будет острить: „Собрался в МТС? Знаю я этот МТС — Московский театр сатиры! Ха-ха“. Как пошлы бывают люди! Разве им доступны высокие идеалы и святые порывы?

Да и почему, наконец, мне не ехать? — горячился Дмитрий Павлович. — На службе сидишь в дыму, как пожарный. Дома — одни неприятности и огорчения...

Дома у Дмитрия Павловича, действительно, было невесело. Во-первых, Сонечка, чтобы ее чорт драл. Во-вторых, обнаглевшая Маша. Какую идеологию она прививает Коке! Какие к Маше приезжают из деревни ископаемые! И наверно, кулачье. От одних этих машинных сватьев и деверьев уедешь в деревню!

— Словом, нечего говорить — еду. Соня, конечно, встанет на дыбы и завоет: „Тебе, Митенька, нужно отдохнуть, у тебя, Митенька, нервы, у тебя, Митенька, желудок“. Еду! Такая перемена работы — лучший отдых.

Дмитрию Павловичу уже было ясно не только настоящее, но и будущее. Социализм построен, Дмитрий Павлович сидит у Калинина. Его окружают кокины дети, юноши и девушки-березки. „Расскажите нам что-нибудь героическое“, — будут просить они, и дальше, как у Тургенева: „Старый рубака закурил, не торопясь, экспортную „Тройку“, крикнул и начал грудным баском: — Когда наш МТС стоял в N-ском районе“...

— Еду! — окончательно и безоговорочно решил Дмитрий Павлович. — Лишь бы удалось уговорить Сонечку — это чудовище мещанства и обывательщины!

* * *

Через несколько дней Дмитрий Павлович уже шел за носильщиком по вокзальному перрону. Добровольцы, отъезжающие в МТС, пели „Вставай, пролетарий“ и „Дуню“. Было очень весело. Кого-то даже качали...

Знакомый партиз Лихтер удивленно расставил руки.

— И ты с нами? В каком вагоне?

— Вот в том... У меня вещи... — и Дмитрий Павлович озабоченно поспешил за носильщиком, который уже лез на площадку. На вагоне была надпись „Москва — Севастополь“. У Дмитрия Павловича лежала в кармане путевка в Ялтинский дом отдыха на срок от цветения миндаля до глициний.

(Зеркальные анекдоты)

ТУМАННЫЕ ПОНЯТИЯ

Дело было в Румынии.

Во всех буржуазных странах понятие о неприкосновенности общественной стоимости довольно туманное, но в Румынии в особенности.

В этой стране честный чиновник, как правило,—небывалое чудо. Министры отличаются от простых чиновников только аппетитом. Соответственно аппетиту они и путают свой карман с общественной казной. Воруют все, что ни попадет под руки, начиная с солдатских пайков и кончая целыми областями у соседних стран.

Не так давно в одной из соседних стран умер турецкий посланник, тело которого отправили на родину для похорон. Когда гроб проследовал через Румынию к границе, оказалось, что труп посланника был обобран догола.

Вполне поэтому заслуживает доверия ниже следующий разговор.

Начальник одного из столичных полков добился приема у министра финансов и стал просить о выдаче причитающихся полку ассигнований.

— Войдите, господин полковник, в мое положение, — вздохнул министр. — Казна абсолютно пуста.

— Войдите, господин министр, и в мое положение, — возразил полковник. — Я, конечно, понимаю и лишнего не прошу. Наши офицеры как-нибудь перебьются. Все они состоят на содержании у престарелых дам нашей прекрасной столицы. Наши солдаты тоже как-нибудь потерпят. Ведь все они промышляют мелкими кражами на базарах и рынках столицы. Но лошади, бедные лошади!..

— К сожалению, я лишен возможности им помочь, — сухо ответил министр.

Впрочем в отношении права и на частную собственность в буржуазных странах происходит невероятная путаница.

Премьер-министр одной из великих держав посетил недавно одну из соседних стран (из скромности не назовем ее). В министерстве иностранных дел в его честь был устроен банкет.

Во время ужина высокий гость хотел посмотреть, который час, и обнаружил пропажу своих часов.

— Представьте, какой странный случай, — обратился он к хозяину — министру иностранных дел. — У меня пропали золотые часы.

— Не может быть. И вы уверены, что они пропали здесь?

— Совершенно. В начале ужина они у меня были.

— Позвольте, дайте вспомнить. Вы сидели между мной и военным министром. Ну, я не в счет. Неужели он? Сейчас я выясню.

Через несколько минут он подошел к гостю.

— Ваши часы? — спросил он тихонько, показывая ему под скатертью золотой хронометр.

— Мои, мои, благодарю вас!

— Спрячьте подальше. Я не ручаюсь, что их снова не сопрут.

— Простите, я в совершенном недоумении. Как вы их нашли?

— Ну ясно, у этого жулика!..

— Неужели он сам их отдал?

— Как же, отдаст он! Я просто их вытащил.

Пароход пришел сверху, из Самары, и привез гвозди, мануфактуру, консервы и две тысячи пар новеньких лаптей. Лапти были сложены пирамидой и занимали всю носовую часть палубы. Пахло от них весело: липой и речной свежестью.

Разгрузкой парохода занялась артель грузчиков во главе с дядей Митяем, бригадиром из сезонников, коренастым рыжебородым мужиком, похожим на Сократа.

Летнее утро было прекрасным: розовое и душистое, как дыня. За завтраком артель пропустила „по маленькой“, и разгрузка пошла бойко и ладно. А лапти и совсем развеселили грузчиков. Выходцы из волжских деревень — сезонники — они обрадовались лаптю, как земляку, неожиданно встреченному в сутолоке и звоне чужого города.

Для лаптей места в пристанских складах не нашлось, и их сложили прямо на берегу, как-раз под окном товарной конторы, в котором виднелась лысая серьезная голова какого-то местного транспортного чина, громко хлебавшего чай с блюдечка. Шагах же в пятидесяти от того места, где грузчики сложили лапти, стоял стрелок охраны — пухлый парень с круглым, безмятежным лицом. Сосредоточенно и сонно смотрел он на кончик штыка своей винтовки. Большая зеленая муха сидела на кончике штыка, и то обстоятельство, что сидела она уже минут тридцать, не собираясь, видимо, улетать, — страшно занимало и удивляло стрелка.

Сложив лапти, грузчики присели покурить.

— Лапоть, будем прямо говорить, хороший, — сказал дядя Митяй, сплевывая, — работа чистая. Но только у нас в деревне старичок один лучше плетет. Лапоть у него получается легкий, веселый.

— А правду говорят, что лапоть для ноги здоровее сапога? — спросил молодой грузчик с заячьей губой.

— Понятно здоровее, — подтвердил дядя Митяй, — нога в лапте дышит вполне свободно, и ейное дыхание выходит наружу, а в сапоге ейное дыхание остается внутри. Оттого нога преет!

Покурив и затоптав окурки, грузчики собрались было уходить, но дядя Митяй, глянув на свои ноги, обутое в громоздкие, пыльные сапоги, сказал:

— Бери, ребята, каждый по паре лаптей. А казне от этого убыток невеликий. Лапти, будем прямо говорить, — товар копеечный.

Грузчики не заставили себя долго просить и тут же, на глазах пристанского чина, хлебавшего чай, и стрелка охраны, внимательно следившего за меланхолической мухой, переобулись в украденные лапти.

Прошла неделя, — за лаптями никто не приезжал. Зато грузчики приходили за лаптями ежедневно. Вся пристань, по примеру дяди Митяя и его артели, обулась в самарские лапти. И попрежнему пристанской чин с олимпийским величием взирал из окошка на расхищение государственного добра, а дежурный стрелок охраны спокойно мерил караульными шагами постовой участок. Они, конечно, видели и понимали, что грузчики крадут лапти, но, повидимому, считали так же, как и дядя Митяй, что лапти — товар копеечный, казне оттого, что грузчик возьмет себе пару лапотков, убыток будет невеликий. Какого же лешего, спрашивается, скандал заводит!

Потаскав лапти дней семь-восемь, грузчики приносили старые обратно, а себе брали новые. Хозяин лаптей упорно не являлся. Четвертая неделя была на исходе. Молниеносными темпами пирамида новых лаптей превращалась в бесформенную кучу старых обносков.

Самое же замечательное в этой истории то, что грузчики крали лапти в разгар месячника борьбы с воровством грузов. В клубе непрерывно шли вокально-драматические оратории на тему о хищениях и хищниках. Поэты из города приезжали на пристань читать грузчикам назидательные стихи. По ночам комсомольцы устраивали общественные засады у входов в амбары и склады, но так как об этих засадах заранее было известно всей пристани, то особенного успеха они не имели.

Дядя Митяй, сносивший за это время пять пар краденых лаптей, тоже участвовал в общественной засаде и даже собственноручно задержал, ухватив за бороду, одного сомнительного гражданина, проходившего по территории пристани с подозрительным свертком под мышкой. При ближайшем рассмотрении сомнительный гражданин оказался тем самым пристанским чином, лысая серьезная голова которого ежедневно торчала в окошке, возвышаясь над грудой постаревших лаптей, а подозрительный сверток — пайковым пшеном. Его отпустили, извинившись.

Хозяин лаптей объявился лишь через полтора месяца. Он явился на пристань в образе сутолого чахоточного агента в серой толстовке и старомодной соломенной шляпе с муаровой лентой. Артель дяди Митяя взялась погрузить лапти на подводу агента.

Взглянув на пирамиду обшарпанных, изношенных лаптей, агент стал серым, как его толстовка.

— Постой, дядя, — сказал он сердито, — я такого товара не приму. В накладной сказано: две тысячи пар новых лаптей. А это что за барахло?

— Какне лежат, такие и есть. Других нету, — рассудительно ответил дядя Митяй.

— Да ведь они к вам новыми прибыли, — окончательно рассердился агент, — почему же ты мне суешь старую рвань?

„Износились, не спросились“, — сказал дядя Митяй, подмигнув грузчикам. Грузчики дружно захохотали.

Тогда агент все понял.

— Что же мы в Александровку повезем? — сказал он плачущим голосом. — Вы нам всю музыку испортили, черти драповые!

— Это в какую же Александровку? — неожиданно заинтересовался дядя Митяй.

— Одна у нас Александровка, — ответил агент.

Дядя Митяй смущенно оглянулся на грузчиков. Краска залила его шею, потом щеки, потом ударила в лоб.

— Это наша деревня Александровка, — выговорил он с трудом, — мы сами будем александровские.

— Вот и поздравляю, — молвил агент, — выходит: родную деревню обокрали!

— Дык кабы знать, — горячо заговорил дядя Митяй, — кабы разъяснение какое было, а то лежат себе лапти и лежат. Святой, будем прямо говорить, и тот польстится. Лапоть — товар копеечный, убыток от него казне невеликий!..

Агент махнул рукой.

— Ты лучше скажи, что мне теперь делать?

— Известно что, — хором сказали грузчики, — составляй акт!

Агент вздохнул, привычно послонил карандаш и сел составлять акт.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

„МЕРТВЫЕ ДУШИ“ В МХАТ

Ах эти „души“!

Знаете ли вы, —

Они отыграны, заслушаны,

Но вот беда! они —

несколько не мертвы,

А попросту засушены!..

АРГО

РАССКАЗ С ВРАНЬЕМ

Про Гусева, заведующего семипалатинской конторой Облаготскота, рассказывают неслухом.

Вот будто вызвали Гусева в партком и довольно строго ему заявили:

— Слушай, Гусев, плохо у тебя с заготовками! Надо, Гусев, подтянуться. Ты ж, ведь, Гусев, — коммунист!

А Гусев на это сказал:

— Ну, зачем такой формальный подход? Если у человека партбилет в кармане, то сейчас уж и коммунист! Не понимаю, для чего б тогда чистку устраивать...

— Ишь ведь! — удивились в парткоме. — А кто же ты такой, если не коммунист?

— Оппортунист я. Вот кто я такой, было б вам известно, — отрекомендовался скромно Гусев.

— Да почему ж ты оппортунист?..

— Как вам сказать? Потому, что враг меня соблазняет. Классовый. Хитер он, враг-то! Но не исключена и такая вероятность, что оппортунизм во мне самостоятельный. Кто его знает... Я вам не красный профессор, чтоб всякие теории изучать! Оппортунист на практике я, вот кто я такой.

— А какие у тебя, Гусев, основания считать себя оппортунистом, — спросили в парткоме.

Тут Гусев самоуверенно усмехнулся.

— Основания?.. Достаточные!.. Прежде всего у меня только одна видимость, будто я работаю. Оно словно бы и хлопоту, оно словно бы и суебусь и бумаги подписываю, и на заседаниях бываю... А вникнуть если, то никакого дела не делаю!

— Да неужели?

— Сейчас помереть! Где ж оно дело? Склады и хранилища не подготовлены, кроликов, гусей и проч. живность принять некуда, содержать не на что. Насчет денежных средств не озаботился и колхозам за заготовки не плачу. А если вам и этого мало...

— Не мало. Довольно. Но скажи, Гусев, ты, значит, осознал свои ошибки и чистосердечно раскаиваешься?

— Вона!.. — удивился Гусев. — Нашли тоже раскаивальщика! У меня единоличники и отдельные колхозные дворы план заготовок на сколько выполнили? На три процента! А я что же: каюсь в своей вине и стараюсь поправить дело? Ничего подобного! Все валю на объективные причины!

Тогда Гусеву сказали:

— Вот ты какой гу... Гусев! Ну ладно, иди. Подумаем, что с тобой делать.

Гусев пошел... Было Гусеву досадно. Обидно Гусеву было. Шел Гусев и недовольно ворчал:

— Еще думать им надо!.. О чем? На другую работу меня перебросить, — так я и другую развалю... А главное, — где, на каком с'езде, на каком пленуме указано, чтоб оппортунистов в партии оставлять?..

Так рассказывают про Гусева. И, заметьте, нахально врут эти рассказчики.

Впрочем, виноват, нахально вру я. Никто про Гусева так не рассказывал. Никогда в жизни Гусев оппортунистом себя не называл. Ни в чем он себя не обвинял, а, наоборот, во всем оправдывал. Обвиняли его другие. Гусев же в ответ говорил:

— Вот! Работает, как лошадь. Бьешься, как рыба об лед. Сил не жалеешь, здоровья не щадишь, не досыпаешь, не доедаешь, а за все это тебя же чуть ли не в оппортунисты производят! Эх, товарищи!.. Легко, товарищи, критиковать, да трудно работать! Побывали бы в моей шкуре, — не то бы запели. Условия-то работы каковы. В условия-то вы вникните! Союзмясо нам денег не платит. Московские организации в наших районах с нами конкурируют. Работников нехватает. Бензину для автомобилей нехватает. Э, да что говорить!.. Сдохну, вот, на работе и запоете тогда: „Ты честно прошел свой доблестный путь, благородный!“ А при жизни разве оценят у нас работника?..

Вот это правда. То-есть, Гусев-то неправду говорил, но правда в том, что говорил он примерно так.

Сначала же я рассказал неправду. То-есть, Гусев-то у меня святую правду говорил, но неправда, что он говорил ее хоть раз в жизни.

Боюсь, что в итоге получилось довольно много вранья. А по дошедшим до меня в детстве сведениям, врать — нехорошо. Но что же делать?..

Вот что надо делать: оценивать работников не по тому, что они говорят, а по результатам их работы.

Тогда не будем мы с Гусевым врать. Зачем?..

ГРАМЕН

ПОВЕСТЬ О БРАВОМ ГЕНЕРАЛЕ

Потомкам на забаву
Я песню выбирал...
Жил-был на свете бравый,
Веселый генерал.
Носил на шее „Анну“,
Солдат по роже бил,
Душистую гавану
И почести любил.
Имел свою усадьбу,
Жену и лошака.
Серебряная свадьба
Была недалека.
В реформенных уставах
Считался — либерал...
Жил-был на свете бравый,
Веселый генерал.

Царю служил исправно,
А почестям — вдвойне
И гарцовал забавно
На белом скакуне.
Был дед его помещик,
С крестьян три шкуры
драл...

Жил-был такой
насмешник,
Веселый генерал.
Но вот однажды как-то —
Попробуй, не поверь! —
Насмешника де-факто
Мы вывели за дверь.
И, скажем, для примера,
Бедовый мы народ —
Царя и офицеров
Турнули от ворот.
И осенью туманной
Трубач в трубу играл:
Жил-был на свете
странный,
Жеманный генерал.

И вот уже на пару
С другим он водку пьет.
Гаванскую сигару
Никто не подает.
Пылая страстью к винам,
К садам питая пыл,
Он занял Украину
И вновь по роже бил.

И снова, свеж и молод,
Оружием бряцал...
Жил-был такой веселый
Усатый генерал.
Хозяйские замашки —
Помещичий оброк...
Французские бумажки —
За русское добро.
Ветрам куда клониться
От киевских полей?
Текла тогда пшеница
В утробы кораблей.
Деньгою и натурой
За хлеб вояка брал...
Жил-был такой нехмурый,
Веселый генерал...

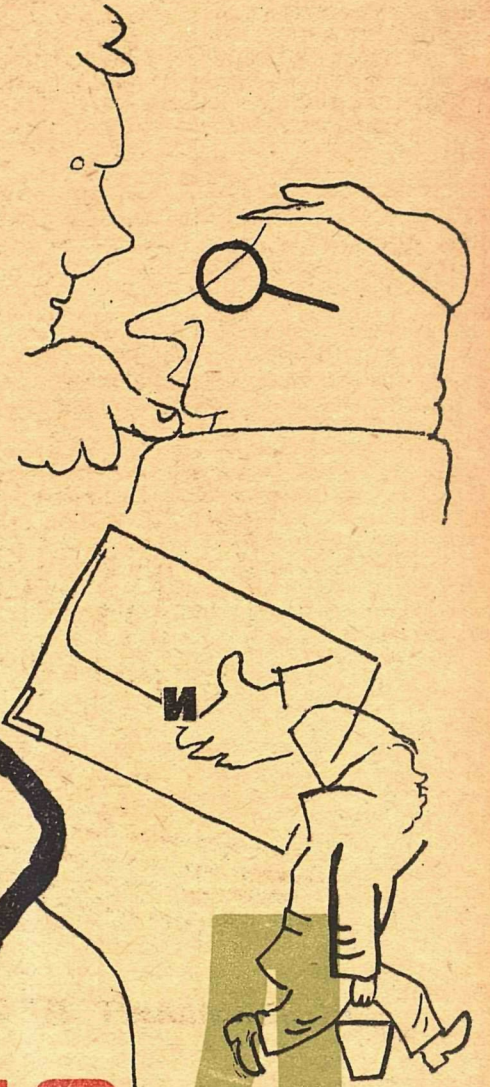
Но вышли хлеб и вина...
Непрощенных гостей
Турнула Украина —
Не соберешь костей!
Смочил не раз рубаху
Веселый человек:
Нагнал не мало страху
Буденновский разбег.
Товарищ Ворошилов
От Волги напирал...
Подумал и решил он —
Веселый генерал:
Собрать свои монетки,
Покуда жив и цел;
Он к морю без оглядки
С оравой полетел.
На белые барашки
Герой глядит с утра,
И потная рубашка
Мокрехонька-мокра.
В те годы я недаром
Винтовку в руки брал:
Нагнали мы вам жару,
Веселый генерал!

Пятнадцать лет не боле
Прошло с веселых пор.
В стране былой неволи
Смывается позор.
Страна горячим пылом
Сожгла былую Русь,
Но знай, не позабыла
Тебя, усатый гусь!
Во Франции трехцветной,
Слюняв, брюзглив и мал,
Живет мечтой заветной
Поблекший генерал.

Живет, надеждой теша
Супруги тощий стан,
Грозится перевешать
Рабочих и крестьян!
Покажет он невеждам!
В поход! В поход! В поход!
Пока что... не надежды —
Жаркое подает.
В парижском кабацком
Герой лакеем стал...
Неважны, знать, делишки,
Веселый генерал?

Душистая гавана
Другим судьбой дана.
Сиятельная „Анна“
В ломбард отнесена.
Сатрап об'едки гложет,
Пропал спесивый пыл,
И бьют его по роже,
Как он когда-то бил.
Но даже битый этот
Озлобленный шакал
(Не забывать про это!) —
О гибели советов
Мечтает генерал!

ИВАН МОЛЧАНОВ 7

Вчера, чорт возьми, я чуть на работу не опоздал.

Главное, я вышел во-время. Попил чайку. Спускаюсь с лестницы. Гляжу — кошка на окне сидит.

Хотел я этого котенка погладить, но после думаю: еще, чорт возьми, опоздаю, если тут разных котов начну гладить.

И не приласкав киску, быстро выхожу во двор.

Выхожу во двор, подхожу к воротам — нельзя пройти. Под воротами яму вырыли. Трубы, что ли, лопнули — ремонтируют.

Народ собрался с двух сторон. И на улице ждут — пойти домой не могут. И во дворе трудящиеся волнуются — не могут поспешать на службу.

Которые яму роют, говорят:

— Через час зароем — не волнуйтесь. А которым такая торопешка — пущай в яму сигают, мы их будем наверх подавать.

Вот один прыгнул, но измазался, как подлец. Его там в яме, пока наверх подняли, до того в грязи отвозили, что он, выйдя на улицу, снова сигнул в яму и велел опять поднять его во двор — пошел мыться и переодеваться.

Стоящие во дворе начали волноваться.

— Позовите, говорят, председателя. Чего он, сволочь, до 8 часов утра дрыхнет.

Приходит председатель. Обижается.

— Я, говорит, не на жалованьи работаю. Я не нанятой. Почему я знал, что они поперек всех ворот выроют.

Член коллегии защитников, некто Брыкин, ядовито отвечает:

— Характерный фактик. Обыкновенная история. Это у нас часто. Чего-нибудь делают, а про людей забывают.

Председатель говорит:

— Вы в нашем доме известный нытик-интеллигент.

Другой жилец говорит:

— Вот для примера я не интеллигент, а я тоже могу отметить. Я вчера голый хотел в ванну сесть. У меня колонка топится. Вдруг — здравствуйте, благодарю — воду закрыли. Я голый печку заливал, а то без воды колонка может лопнуть. Меня предупредить нужно, что воду закроете. Это есть чистое безобразие.

Председатель говорит:

— А ну вас! Завсегда с претензиями. А еще пролетарий.

Один, который на улице ожидает, говорит:

— Тогда пропускайте через квартиры, где выход туда и сюда. Чего я буду на вашу яму любоваться.

Председатель говорит:

— Через квартиры — мысль правильная. Но только у нас все квартиры деленые. У которых выход туда, у которых — сюда. А через кооператив заведующий навряд ли согласится столько народу пропустить — ему могут товар разворовать. Тем более, что

кооператив еще закрыт и откроется в десять.

Тут я не стал выслушивать дальнейшую дискуссию, а через окно подвала кое-как протиснулся на улицу и поднажал ходу.

На трамвай, конечно, не попал, но рысью дошел до своего учреждения. Только повесил номерок на гвоздик — ящик закрывают.

Ну, отделался легким испугом и трепыханием сердца и всего организма.

После работы возвращаюсь домой. Вижу: очень мило — яму зарыли. Ходить можно.

Поднимаюсь к себе. Хочу суп сварить — воды нету. Ремонтируют.

Взял ведерко, пошел в соседний дом. Нацедил воды. Только прихожу домой, гляжу — вода идет. Тут я сгоряча выплеснул воду в раковину. Гляжу, — обратно воды нету. Закрыли. Побежал вниз, узнать, как и чего. Да, говорят, пустили для пробы на пять минут, чтоб жильцы водой запаслись.

Я говорю:

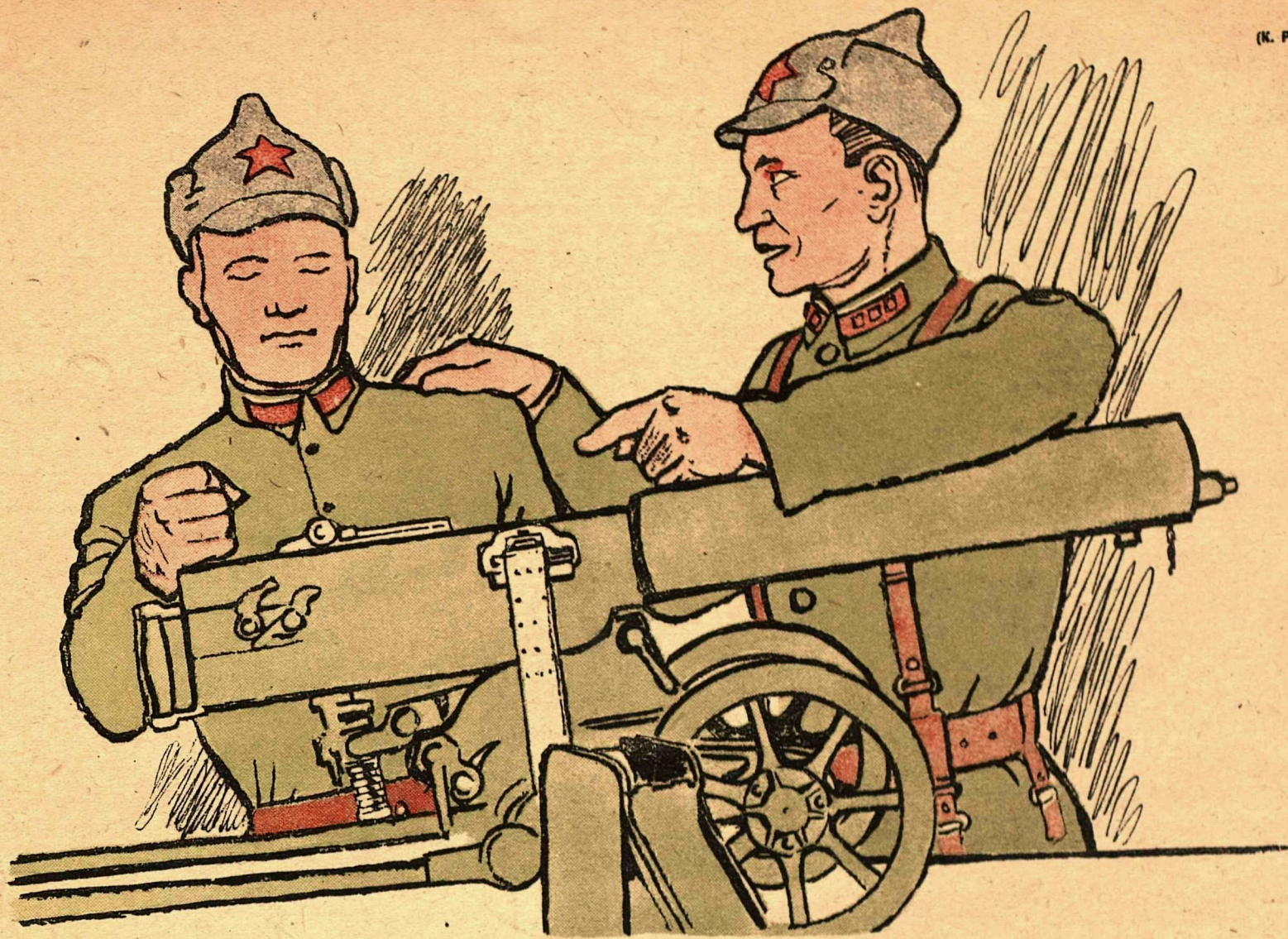
— Но ведь надо, чорт возьми, людей предупреждать. Почему люди знают, чего вы думаете.

Председатель говорит:

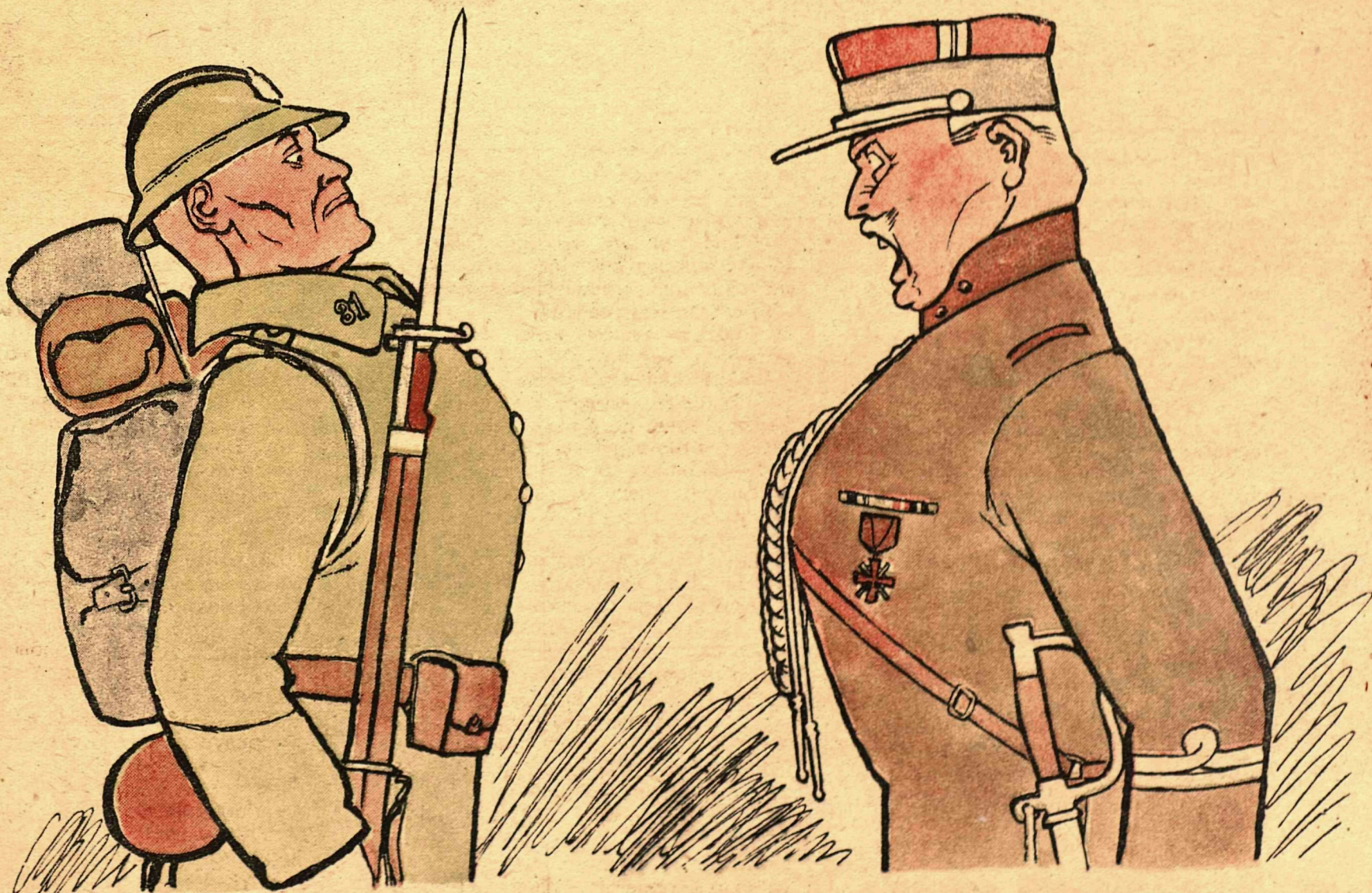
— Нам, знаете, не до людей — у нас работа идет.

Спорить я не стал, сходил еще раз за водой. Сварил суп. Но кушать не стал — аппетит пропал от усталости и огорчения.

МИХАЛ МИХАЛЫЧ

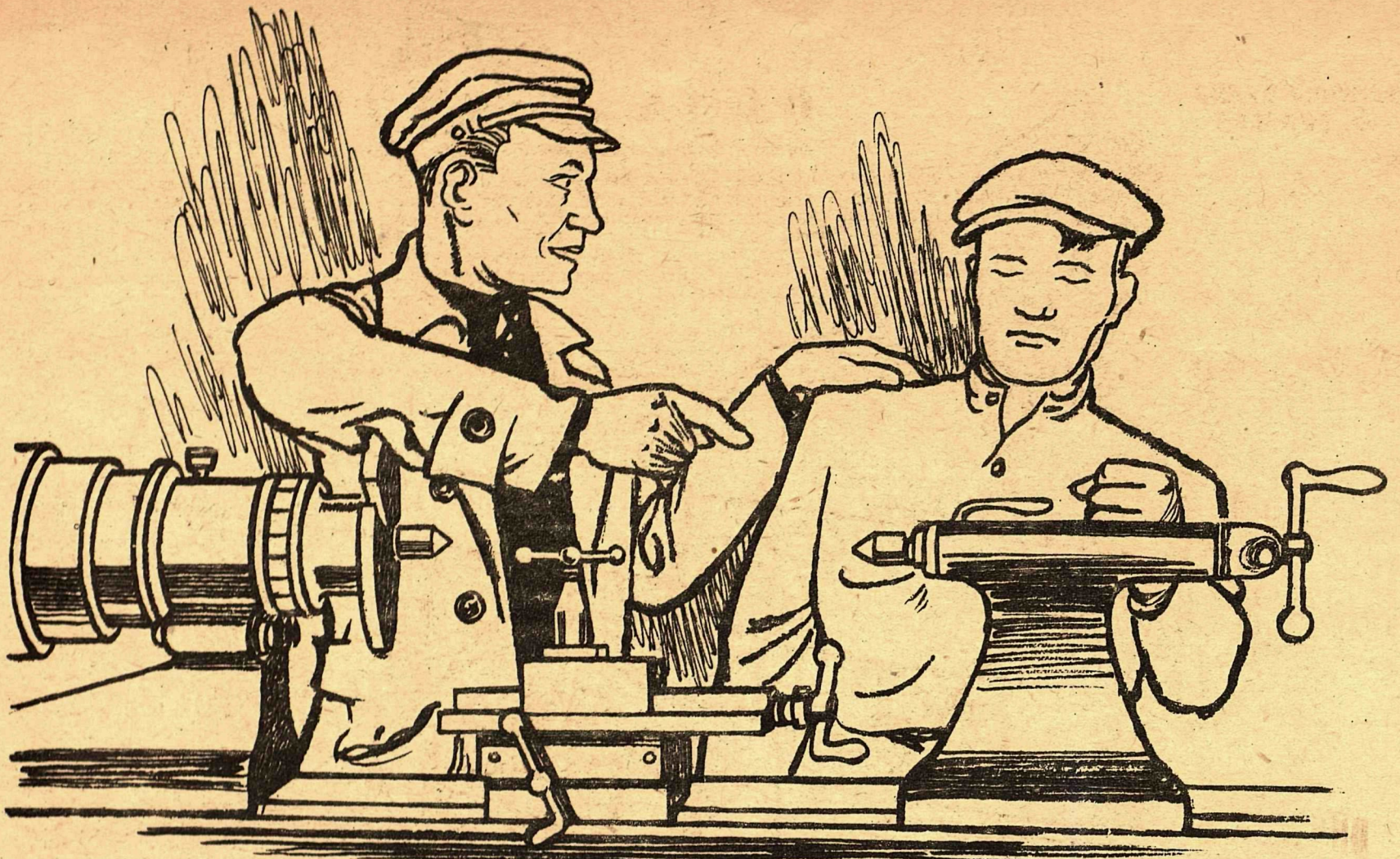

ОНИ ПОНИМАЮТ ДРУГ ДРУГА, ПОТОМУ ЧТО... (СМ. НА ОБОРОТЕ)

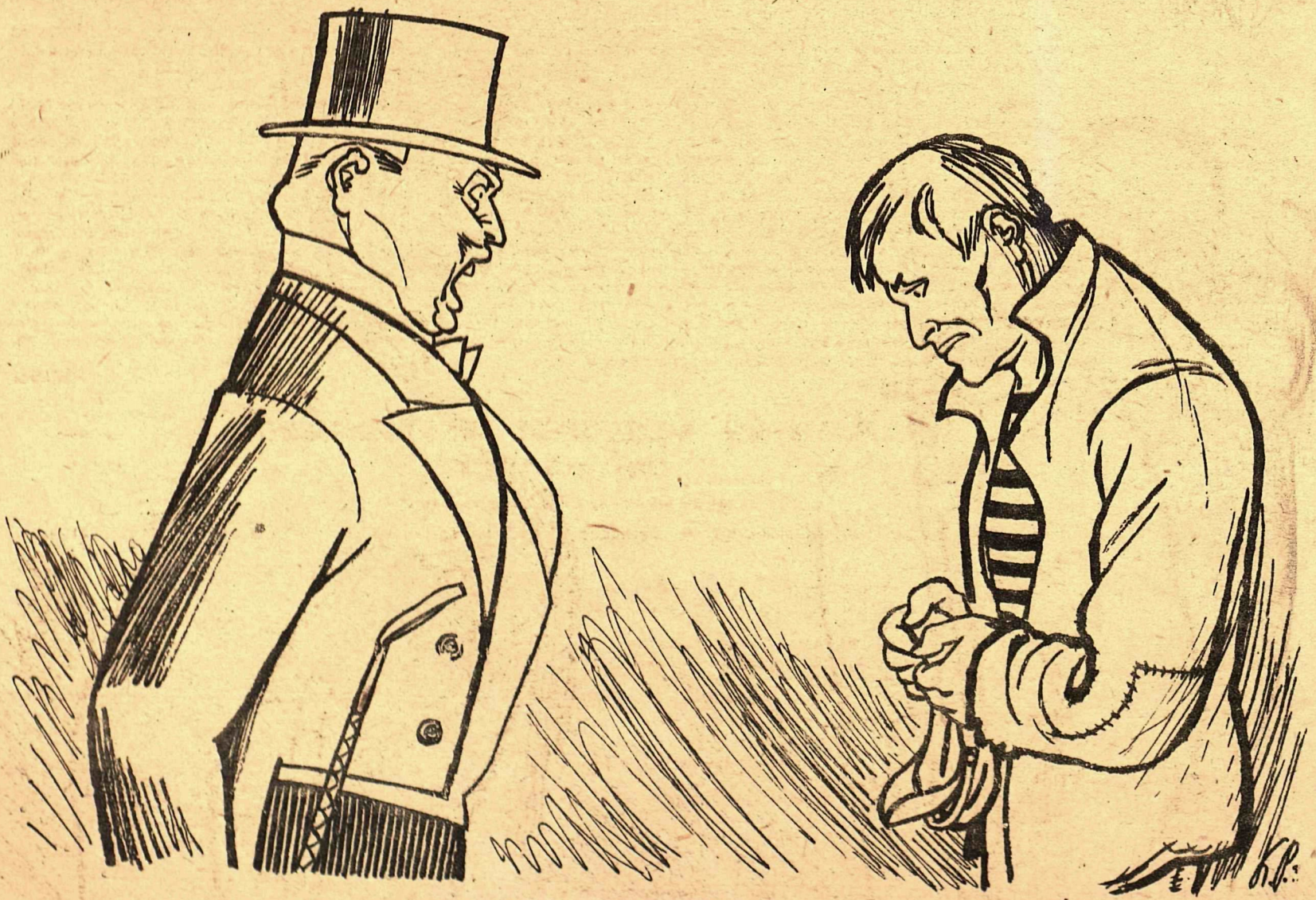

... ОНИ ЖЕ ДРУГ ДРУГА НЕ ПОНИМАЮТ, ПОТОМУ ЧТО... (СМ. НА ОБОРОТЕ)

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

... ГОВОРЯТ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ

II ... ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

(Евган)

ПАПА И НИНА

(Отрывок из романа „Юноша“. Печатается в журнале „Красная новь“)

Неожиданно — революция. И у папы красный бант, и у Нины красный бант, и у Дарьи красный бант, и у лошади красный бант, и у трамвая красный бант, и у памятника Кутузову каменные усы перевиты красным бантом. У всех на улице красный бант. Вся улица — красный бант. Папа со всеми целуется. Все идут прямо по мостовой. Над головами идут красные флаги...

Папа крепко держит под руку Нину, а у нее спадает правая калошка, но это неважно... Снежинка упала в рот. Снежинка застряла в реснице, но это неважно...

Рядом с папой доктор Куделько, в оленьей дохе, купец Гамбург, в черной шубе с хорьковым воротником, торговец Скутьев, в фетровых бурках и высокой серой барашковой шапке. В этой же шеренге сын Гамбурга — Сережа, восьмиклассник, с выпуклыми котиковыми глазами и в гимназической фуражке без герба.

„Богачи, кулаки, жадной сворой
Расхищают тяжелый твой труд,
Твоим потом жиреют обжоры,
Твой последний кусок они рвут“.

— Да здравствует свобода! Ур-а-а! Свобода-а-а!

Целуются, и хоть не пасха, но при этом говорят: „христос воскрес“, „Сегодня он воистину воскрес“, — отвечает папа и энергично пожимает руку. Сережа Гамбург многозначительно сказал: „Под весенними лучами солнца свободы растаял старый режим...“

В город приехал Милоков. Он читал лекцию о Дарданеллах. Папа вместе с Ниной отправились в городской театр слушать Милокова. Перед началом лекции они пошли за кулисы. Папа почтительно поздоровался с Милоковым и представил Нину: „Моя дочь, также жаждущая деятельности в партии народной свободы“. Милоков улыбнулся, слегка дрогнул никелевыми усами. Нина поклонилась и пожала пухлую, очень мягкую профессорскую руку. Тут же за кулисами были взлохмаченный Сережа Гамбург и еще какие-то важные господа в накрахмаленных манишках. Нину и папу Сережа Гамбург устроил в губернаторскую ложу, с оранжевыми занавесками. Там уж сидели дамы, и вокруг них расшаркивались кавалеры. Пахло духами. Молодые люди в черных смокингах, сияя проборами, чистили для дам апельсины. В ложу вбежал Сережа Гамбург, шептал папе на ухо и убежал обратно. Раздались аплодисменты — это появился на сцене Милоков. Все присутствующие в ложе поднялись и захолопали. Нина тоже хлопала... „Милостивые государыни и милостивые государи“. В это время сверху сорвался свист и чей-то отчаянный крик: „Долой Милокова!“

Свист. Шум. Шиканье... „Милостивые государыни...“ Сильный свист с разных углов галерки полетел по театру. Свист описывал траекторию, вонзался в люстру на потолке, падал вниз и обжигал лысины партера. Снова пробежал по ломам театра, взрылял прически дам, колол розовые мочки (дамы затыкали уши) и царапал манишки молодых людей. Свист летел прямой, толстой струей в лицо Милокову, а он и не дрогнул. Свист. Профессор держался с достоинством. Ему в голову летели вихри свиста, а он доставал белоснежный, надушенный платок из заднего кармана фрака, касался лба, кончика носа и прятал обратно платок... „и милостивые государи...“ „Во-он! Пошел во-он! Шкура!“ Свист. Шум. Шикание. Папа, явно возмущенный, нагнувшись к дамам, что-то им говорил, но из-за шума ничего не было слышно. Прибежал Сергей Гамбург и взволнованный сообщил: „Сейчас выведут этих хулиганов. Уже распорядились“. Шум не прекращался. Наверху хлопали двери, как выстрелы. И вдруг стало очень тихо...

„Милостивые государыни и милостивые государи...“ Больше никто не перебивал Милокова. Нина внимательно слушала, но ее клонило ко сну. И слипались глаза. Вздрогнула, — в ложе смеялись. Она подумала, — смеются потому, что она заснула. Смеялись совсем по другому поводу: один из молодых людей, длиннотелый и горбоносый, зажал в глазу корку апельсина, точно монокль. Даже папа улыбался.

— Не шалите, Надя, — заметила дама, пряча в сумочку перламутровый бинокль. Нину удивило, что молодого человека зовут женским именем. Надя молча болтнул головой, черные волосы рассыпались по лицу, и апельсиновая корка упала. Это тоже всех рассмешило.

— Тш, господа. Неудобно.

Нину опять клонило ко сну. На этот раз ее разбудили громкие аплодисменты. Милоков закончил. Отца не было в ложе. Нина услышала, как кто-то со сцены объявил: „Слово предоставляется учителю гимназии господину Дорожнику“. Она приподнялась на цыпочки и увидела, что на том месте, где только что был Милоков, сейчас стоит папа. Она тотчас же села и от волнения закрыла лицо руками. Валерьян Владимирович обычным теплым голосом, но на этот раз с некоторой дрожью, говорил, что всеми глубокоуважаемый Павел Николаевич нарисовал прекрасную картину будущей свободной России и что вполне разделяет взгляды почтенного профессора — взгляды лучших людей нашей многострадальной родины, но кое с чем он не согласен. Возможно, он ошибается, но ему кажется, что нам не нужны Дарданеллы, и сейчас, когда наши сыновья и братья истекают кровью на полях Польши... Нина увидела, как течет кровь, словно вода по канавам. Папа сказал что война для нас гибельно бесплодна, и в этом надо иметь мужество сознаться и как можно скорей прекратить кровавое пиршество дьявола... Одна из дам, самая красивая и самая молодая, с пушком на верхней немножко изогнутой губе, блеснула черными мохнатыми глазами и произнесла с еврейским акцентом, пожимая смуглыми плечиками: „Учитель Дорожкин против. Он не хочет Дарданеллы!“ — и растопырила ручки. Это была одна из тех счастливых дам, которые всегда ходят окруженные стайками молодых людей, и что бы они ни говорили, — всегда пикантно, остроумно и смешно. Сейчас тоже все не удержимо засмеялись. Нина покраснела и немедленно ушла.

Б. ЛЕВИН

ИСТОРИЯ ЖЕНЩИНЫ, ВЕРНУВШЕЙСЯ НА РОДИНУ

(Служит эта история для обозначения границ СССР)

Мой друг инженер так моложав, что не выглядит даже бритым.

Проектировщик и хороший.

В комнате, где он живет, кроме него и жены, находится еще четверть кариатиды, которая когда-то поддерживала потолок зала.

Жена у него очеркистка, хорошая журналистка.

Оба они могут засвидетельствовать истину рассказа.

У жены за границей много лет жила мама.

Эти мамы, живущие за границей, как-то романтичны.

Мама в Лондоне жила еще до революции и там осталась. Вышла замуж, овдовела.

Сперва посылала посылки, потом письма только.

Потом она стала жаловаться.

Дочка посоветовалась с мужем и написала:

„Мама, приезжайте“.

Лондон недалеко: мама скоро приехала.

Она узнала кариатиду, потому что жили в ее квартире.

Но не плакала и говорила:

— Вот и хорошо. Я всегда говорила покойному мужу, что у нас слишком большая квартира, только покажите, где моя комната?

Она привезла подарки: войлочный маленький валик на пружинке под носик кофейника, чтобы кофе не капало на скатерть, прибор, состоящий из рамки с туго натянутыми струнками, служащий для разрезания вареных яиц, лавандовую соль для ванны и еще какую-то мелочь.

Когда все сели и стол был накрыт, старуха сама разлил кофе и сказала:

— Наконец-то я дома, дети, наконец-то я в своей стране!

Посмотрела в окно.

— А где теперь та улица, которая здесь была?

Подумала, засмеялась, глотнула кофе.

— Нет, я все понимаю, вы строитесь. И какой у тебя муж, Маня, он совсем европеец!

— И вы не думайте, милые, что я буду жить на ваш счет!

— Ах, что вы, — сказал инженер, — что вы, мама, мы ведь вас так любим!

— Нет, — сказала мама, — я сама либералка и все у вас понимаю. Днепрострой, Магнитострой, Кузнецострой. У вас все должны работать, — я читала книжку Ильина о пятилетке. Пейте кофе, чтобы он не простыл. Я сейчас принесу свой диплом.

Принесла сверток.

Диплом лежал в футляре.

— Я специально окончила курсы. Вы понимаете по-английски?

Инженер понимал, прочел.

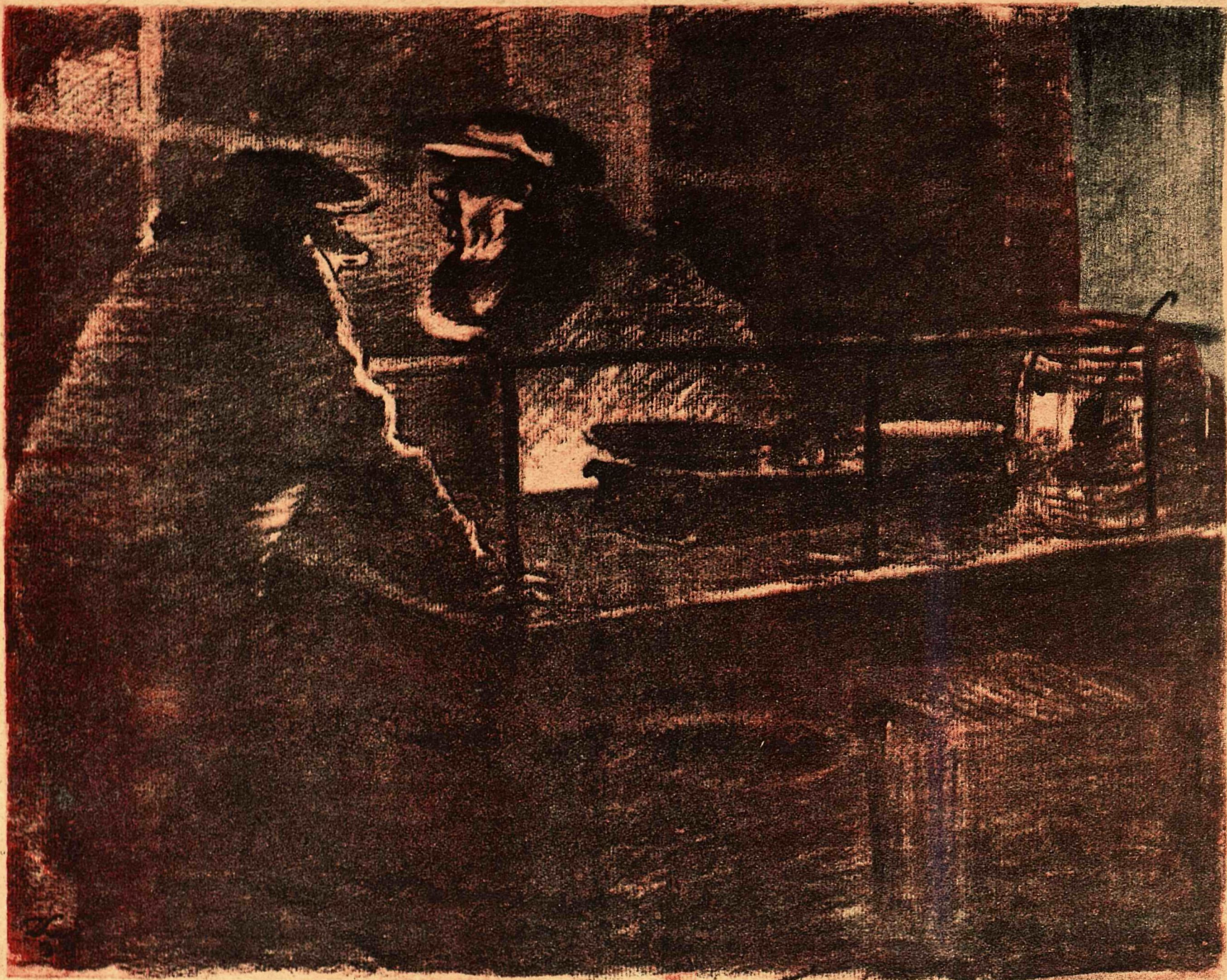
Это было удостоверение об окончании школы медресов.

Кроме обычных подписей, на документе была подпись Конан-Дойля, подпись собственноручная — загробная.

В. ШКЛОВИКИЙ

(И. Елисов)

— Ну, Вася, тут нам делать нечего. Видать, завмаг „свой“.

ДЕЛИКАТНОСТЬ

Председатель месткома — сама деликатность. Красивый, в хромовых сапожках. За стеклышками пенсне мерцали голубые глаза. И голос у него мягкий, деликатный.

Он разложил перед собою листочки с тезисами и обратился к собранию.

— Товарищи! На повестке дня доклад месткома, но это слишком громко сказано. Я против громких фраз, товарищи. Я только сделаю небольшое сообщение. Товарищи, что сделано месткомом за отчетный период?

... Я прямо скажу, товарищи, — за отчетный период сделано недостаточно много.

... Я бы даже, товарищи, сказал, — сделано достаточно мало.

... Я не говорю, товарищи, — совсем не сделано ничего, ибо насколько, товарищи, известно, у нас в месткоме имеются секторы. Не исключена возможность, что ими кое-что и сделано, но что именно сделано? Мне, к сожалению, неизвестно, так как я был в командировке, а жена болела гриппом. Вот...

... На этом я бы и кончил. Я не стану отнимать у вас времени, которое, как известно, всем нам очень, очень дорого, товарищи!

Он собрал листочки с тезисами и поклонился собранию.

Собрание растерянно молчало.

Не было даже прений.

Крыть? Пушить?

Но ведь докладчик сам покаялся на все, на сто.

Но как же быть с этим предупредительным, деликатным человеком?

Не хвалить же его за хорошую самокритику о плохой работе?

Но как же быть?

Собрание смятенно переглядывалось.

Но нет такого положения, из которого не было бы выхода. Будь этот выход дверью или окном.

С одного места деликатно прошелестело:

— С-с-нять!

Все насторожились.

Председатель собрания обрадованно кивнул головой. Секретарь украдкой записал это слово в протокол.

Воцарилась деликатная тишина.

— Мне можно итти? — спросил этот приятный человек.

— А почему бы вам, — предложил председатель, — не посидеть до конца собрания?

Деликатный человек приятно развел руками: — Благодарю вас, я бы с удовольствием, но у меня еще столько дел.

Л. МИТНИЦКИЙ

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ

●
Перевести метры на аршины не трудно. Но неправильно было бы при получении паспорта заменять МЕТРИЧЕСКОЕ свидетельство полуто-рааршинным удостоверением.

●
Бесконечно большие числа легко наблюдать при составлении смет, а бесконечно малые — при сокращении штатов.

●
Если в задаче дан оппортунист с партбилетом то задача эта — на вычитание: оппортунист минус партбилет. Однако и при этом условии в остатке ничего хорошего не получится.

●
Бывают иногда и такие „треугольники“, стороны которых нигде не сходятся.

●
Задачи посевной кампании иногда должны быть хорошо увязаны с задачами извлечения корней.

— Говорила я вам: не берите инженера... Вот я наняла профессора-экономиста, — он великолепно успокаивает детей.

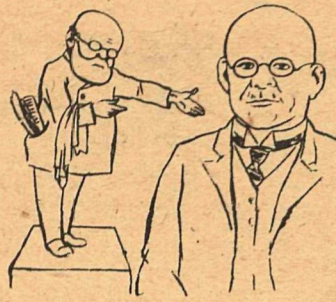
Немецкая карикатура 1923 года на Карла Каутского и его отношение к партии „центра“ и к марксизму. В 1923 году один из лидеров этой партии, доктор Вильгельм Маркс, был назначен германским рейхсканцлером.

КАРЛ КАУТСКИЙ: — Так! Теперь еще устранить этот скверный русский запах!

КАРЛ КАУТСКИЙ (к Карлу Марксу): — Долой революционную гриву!

КАРЛ КАУТСКИЙ (к рейхсканцлеру Марксу): — Наконец-то можно узнать доктора Маркса!

ПАРАДНЫЙ ЭНТУЗИАСТ

Герой мой с утра побежал на парад, —
Вы можете в первых рядах усмотреть его.
Глаза его энтузиазмом горят
В торжественный день — февраля двадцать третьего.

И машинам и коням глаза его льнут
При выезде конницы моторизованной.
„Ура“ его слышится десять минут,
Затем он секунду молчит, очарованный.

Он фору дает остальным голосам!..
Отряд самолетов зареял далеко там,
И снова взлетело „ура“ и небесам
И не заглушается длительным стрекотом!..

Но вдруг он запутался, точно в лассо,
Застигнутый тут же моими вопросами:
— А сколько ты не был в ячейке ОСО,
Раз в год проявив себя членскими взносами!?

Ты в бурном экстазе от наших мортир,
И танки восторгом твоим удостоены.
Хоть раз заглянул ты в оаховский тир,
Добился ли ты хоть единой пробойны?!.

Но он, избежавши затронутых тем,
Придавши лицу выраженья досадное,
Сказал мне с укором: — Зачем же, зачем
Испортил ты мне настроенье парадное?!

В подшефный полк пришел он в тот же вечер,
Пришел как председатель шефского бюро
И проявил себя в большой ударной речи,
И эта речь просилась на перо.

Вопросы кризиса цитатами затронув,
Международный сделавши обзор,
Он звонко говорил про нашу оборону,
Подчеркивал слова: „готовность“ и „отпор“...!

Он говорил и вглядывался в лица:
— Довольно странно... Что за камуфлет?
Не те значки как будто на петлицах,
И у петлиц какой-то новый цвет!..

Он обращает взор и к рампе и к кулисам,
Просит у них ответа на вопрос:
Был военком на сто процентов лысым,
Так почему же нынче он с копной волос?

Закончив речь, к учебе сверхударной
Призвал подшефных боевых стрелков.
Начальник клуба улыбнулся благодарно
И, между прочим, бросил пару слов:

— Товарищ, извини, и ты на нас не сетуй,
Но мы связисты — поймей в виду!
Стрелковый полк ваш из казармы этой
В другую с'ехал в этом же году!

Приняв в заблудшем шефе пыльное участие,
Начлужба адрес дал ему, смеясь:
— Как видно, со своей подшефной частью
Не очень крепко держите вы связь?!

И он ушел с осадком безотрадными
— Сегодня не везет мне до чего!
Я в настроенье был торжественно парадном,
И мне опять испортили его!

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

РАПОРТ

У Охотного был обычный водоворот: автомобили выжидали, когда им мигнет семафор, выпускали рокочущие клики своего моторного племени и чертили по мостовой прямые и эллипсы; трамваи изо всех сил подражали заправским поездам: трясли находку прицепами, постукивали многими колесами; пешеходы перли в атаку сомкнутыми колоннами или делали индивидуальные перебежки. Во время таких перебежек и столкнулись подле широченного грузовика двое прохожих. Один был в шапке-ушанке, двухцветной меховой куртке, отнюдь не коллекционных мехов (такие куртки с 21-го года выдаются низовой профсоюзной общественностью как прозодежда), и в потертых калошах. Другой был облачен в длиннее и широчайшее в плечах пальто цвета, — да простится мне прямое подражание Гоголю, — цвета верденского голубого пламени с дымом, в белую кепку с таким пышным ворсом, что он казался совершенным нимбом над головою кепководельца; еще и на ногах этого второго прохожего мелькали высокие чулки буйной расцветки.

— О, чорт! — сказал при столкновении первый прохожий, который поскромнее.

— Смотреть надо, когда... — начал второй, но вдруг замолчал.

А первый прохожий уже улыбался.

— Вася! — взвизгнул он.

— Чичмарев! — загудел второй прохожий. — Чичмарев! Сашка Чичмарев! Откуда?

Шофер грузовика просигнализировал им гудками. Взявшись за руки, приятели сиганули на тротуар. И тут же решено было зайти в кафе.

В кафе бесстрастная кельнерша, приняв заказ на два стакана кофе, ушла куда-то в соседний переулочек: известно ведь, что в нарпитовских предприятиях кухня обычно находится не ближе, чем за два квартала от столиков для посетителей. Приятели снова обратились друг к другу.

— Ну, ну, ну, что? Где? Кем? Почему? Как? — заговорили они вместе.

Рассказывать первому выпало на долю скромному Чичмареву. Он распахнул свою профсоюзную куртку.

— Шутка ли: четыре года не виделись, — начал он. — Уж и не знаю, с чего начать...

— Ты ведь по инженерной линии пошел? — помог ему Алалыкин.

— Угу. Ну, вот, значит, посидел немного в тресте... А потом поехал в Магнитогорск. Здорово там приш-

лось работать. Зато и делов натворили, небось, сам знаешь из газет. Да, брат. На голом месте такого настроили... Да ведь не только мы, — вся страна. Ну, а ты? Ты, как будто, занялся кинематографией.

— Ею самой.

— То-то у тебя костюм такой... Артист! Ну, воображаю, чего вы здесь натворили. Рапортуй, брат!

Элегантный Алалыкин почему-то стал чертить ногтем по столу.

— А чего там рапортовать?

— Как чего? Вот результаты во вверенной вам области за пятилетку. Картин, я чай, картин поснимали, — страшно, а?

— Да... Страшновато...

— Ну, то-то. Мы, брат, следим. И в Магнитогорске интересовались. Какие имеются боевики?

— А эти... Ну, во-первых, „Встречный“.

— Знаю. Уже смотрел. Здорово. А еще.

— Еще „Путевка в жизнь“.

— И эту видел. Еще.

— Еще?.. Гмм... Еще... Вот „Встречный“ еще.

— Говорил уже.

— Знаю, что говорил... „Встречный“, значит, и потом...

— „Путевка в жизнь“?

— Да. А ты почему догадался?

— Так-с... Не хочешь ли ты сказать, что за то время, пока страна преодолела чорт знает какие препятствия, выполнила пятилетний план, — за это время, по-твоему, только всего и было, что эти две фильмы?

— Нет, зачем... Были и еще... Только, знаешь, объективные трудности... Условия, знаешь...

— Постой, постой!.. Как же так! Ведь были же у вас режиссеры. Талантливый все народ. Ну, этот что делает... Как его?.. Пожилой такой... еще раньше он в театре работал...

— Ал. Гвардин! Как же... Он только теперь не снимает, а снимается: он теперь только актер.

— Что ты говоришь! Ну, а этот... Высокого роста, красивый такой, с усиками.

— Шаховской, что ли? Тоже, брат, был режиссером, а стал оператором.

— Да почему?! Ну, а еще один был — видный тоже молодой человек, с него еще рисовали разные плакаты, веселый такой...

— Кларнет? Денис Кларнет?.. Он теперь, кажется, кончает картину. А тоже не снимал долго.

— И этот не снимал? У которого борода как-то иначе росла?

— Пуунш? Нет, брат. И бороды давно нет и картин нет.

— Ну, а самый знаменитый был. Его картину за границей запрещали и разрешали. А самого его еще снимали очень часто, то волосы, как у ежа, кверху, то совсем чистая башка. Он — что?

— Ничего. Сейчас приступает.

— Непонятно! А те двое из Ленинграда, талантливые хлопцы... Как их?

— Овенцов и Травман. Не видно и не слышно. — Тут изящный и надменный собеседник с такой яростью стал пилить ногтем столик, что будь этот столик из менее упорного материала, погиб бы столик окончательно.

Скромный Чичмарев заметно помрачнел.

— Что ж, выходит, — сказал он, — в то время как вся страна...

— Не надо, — мягко перебил Алалыкин.

В этот момент кельнерша принесла кофе. Друзья замолчали, расплатились и сейчас же вышли.

— Тебе направо? — спросил Чичмарев.

— А тебе?

— Мне налево.

— Ну тогда мне направо. Пока.

— Пока.

Колонны пешеходов в момент проглотили обоих.

В. АРДОВ

СЛУЧАЙ

Старший врач, надев пальто и медленно застегивая пуговицы, находу бросил ординатору:

— Да! Чуть не забыл: сегодня к вам привезут одного больного. Он уверен в том, что вполне здоров, возмущается, когда ему говорят о болезни. Вы примите его вежливо, не возражайте ему, но делайте свое дело...

Ординатор прошел в дежурную комнату

Вскоре к нему подошел надзиратель.

— Алексей Иванович,—прошептал он врачу таинственно,—он пришел...

— Кто?—спросил врач, не отрывая головы от книги.

— Больной этот!..

— Хорошо, ведите его сюда...

Вошел человек в потертом демисезоне.

— Присаживайтесь, пожалуйста,—предложил ему врач, принимаясь писать какую-то карточку.—Скажите, как ваша фамилия?

— Охлопков Дмитрий Иванович!

— Отлично. Сколько вам лет?

— 41.

— Вы холосты?

— Женат. Двое детей... Я не понимаю, однако, какое это имеет отношение к хозяйству?

— Забудем о хозяйстве,—начал еще предупредительнее врач.—Хозяйство потом. А пока скажите, ваши родители были вполне здоровы, не страдали ли они какими-нибудь тяжелыми болезнями?..

— Я не понимаю, зачем вам все это нужно. Я думаю, что мой приход лучше оформить через... контору...

— Нет, нет, вы не беспокойтесь. Через контору — само собою. Это нужно для вашей же дальнейшей хозяйственной деятельности,—заговорил убедительно врач.—Так, значит, нет? Я уже кончил. Можете идти, Кузьмич вас проводит.

Кузьмич повел Охлопкова в ванную комнату.

— Раздевайтесь,—сказал Кузьмич.

— Раздеваться?! Зачем?

— Раздевайтесь. У нас так полагается!

— Но я только вчера был в бане.

— Это не важно!..

— Но...

Он мылся в ванной долго с помощью Кузьмича. Затем его одели в чистое больничное белье,—его одежду куда-то спрятали.

— Теперь куда?—спросил, невольно вздрагивая, Охлопков

— В палату,—ответил Кузьмич, и все двинулись по коридору.

Навстречу им шел дежурный врач.

Охлопков остановил его.

— Доктор, ответьте мне только на один вопрос: есть ли в вашей больнице завхоз?

— Нет. Он уволен три дня назад!

— Так я же назначен на его место. У меня в бумажнике есть отношение.

Спешно принесли бумажник, и врач прочел:

„Московский отдел здравоохранения направляет к вам на место завхоза тов. Охлопкова“.

— Н... да,—протянул изумленно врач.—Так вы, стало быть... Да... —повторял он, потирая себе лоб,—бывает...

Врач сказал правду,—это действительно бывает, и было это в Москве, в 1-й городской психиатрической больнице.

С. СОЛОВЬЕВ

В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ ЦИРКЕ

(Я. Бельский)

Чугунные кастрюли, выпускаемые на рынок, отличаются необычайно тяжелым весом.

КОНФЕРАНСЪЕ: — Сейчас атлет Тарзанов устанавливает мировой рекорд одновременным поднятием двух кастрюль.

Ответственный редактор М. МАНУИЛЬСКИЙ

Редколлегия: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ

Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Москва. Изд. №

Сдача текста и рисунков—1/III.

Подпись к печати — P/II.

Статформат А9 — 220×333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 45175.

2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49.

Зак. № 347. Тираж 260.000.

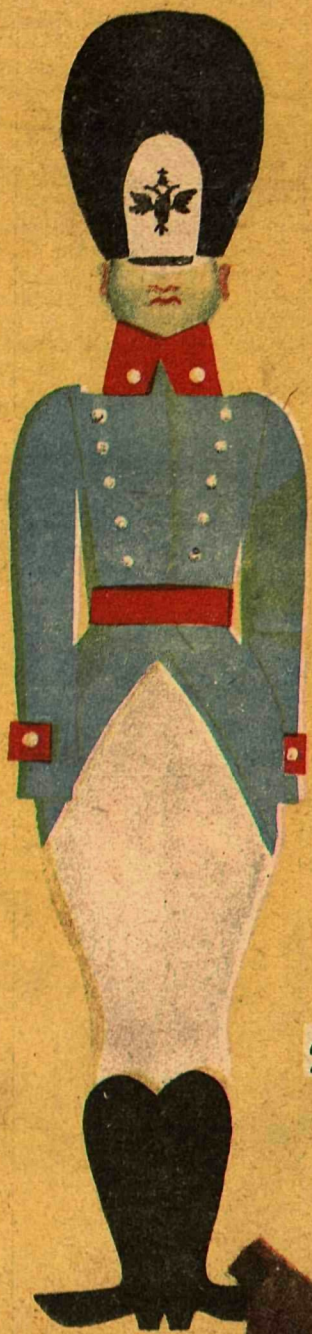
Оформление Л. Бродаты. Журнал набран и отпечатан во 2-й тип. изд. ЦК ВКП(б) „Правда“. Фото механик — П. Мягков. Редакция под руководством Г. Жимерикина и В. Крылова. Монтаж А. Федосеева. Зав. печат. отд. — Д. Егоров и А. Давыдов.

6451

В МУЗЕЕ

АВГУСТ
23 1933
Л. Л. П.

(Л. Бродаты)

20

21

22

— Смотри-ка, — эти манекены, как живые!
— Это что! Вот прежде живых людей манекенами делали!